

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 175-ЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ

Аннотация. Рассмотрены юбилейные публикации эмигрантских газет, направленные на формирование у читателей желаемого образа университета. Это в основном репортажи о торжествах, обзоры исторического прошлого, характеристика достижений профессоров и научных школ, оценка студенческого движения и будущего университета. В результате исследования делается вывод о том, что прокламируемый принцип аполитичности при освещении юбилейных торжеств и исторической миссии университета не соблюдался. Поэтому при изучении материала газет следует учитывать их направленность и политическую позицию, занимаемую издателем и редакцией. Важным является учет возможностей главного редактора по привлечению тех авторов статей и мемуаров, которые в прошлом были связаны с университетом и могли поделиться своими знаниями и воспоминаниями. Индивидуальные способности мемуаристов представить адекватный и полный образ *alma mater* нужно также принимать во внимание при оценке источников. Наконец, значимым является место издания газет, так как члены их редакций вынуждены были учитывать прошлые взаимоотношения стран-реципиентов с Россией, а также нынешнюю правительственную политику по отношению к русским диаспорам. Все это приводит к выводу о многообразии представлений в газетах облика Московского университета. Методом изучения этого множества образов является их деконструкция, позволяющая понять цели, мотивы и принципы их формирования у предполагаемых читателей, а значит, значение для складывания культурно-исторической идентичности российских пореволюционных эмигрантов.

Ключевые слова: Московский университет, юбилей, образ, российская пореволюционная эмиграция, газеты

Благодарности. Работа выполнена в ПетрГУ при поддержке гранта РНФ в рамках проекта «Празднование 175-летия Московского университета и академическое сообщество пореволюционной российской эмиграции», № 23-28-00836.

Для цитирования: Антощенко А. В. Освещение празднования 175-летия Московского университета в эмигрантской прессе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1040

ВВЕДЕНИЕ

Изучение юбилейных торжеств и создаваемых в ходе их празднования образов университетов в последние годы становится все более важным направлением общего исследования истории университетского образования в России [8], [9]. Не стал исключением 175-летний юбилей Московского университета, широко отмеченный во всех ведущих центрах русского зарубежья. Исследователи коммеморативных практик начали с изучения праздничных мероприятий прежде всего в Париже [3], а затем и в других столицах стран-реципиентов, где волею судьбы

оказались изгнанники из Советской России [1]. Затем были предприняты попытки определения места этих торжественных событий в праздничной культуре российских пореволюционных эмигрантов, перенесенной ими за рубеж и развитой в новых условиях [4: 359–361], [5: 132–133], [7: 102–105]. Специальное внимание было уделено образу Московского университета, формировавшемуся в ходе празднования и в опубликованных по этому случаю мемуарах [6], [10]. Однако обращение к конкретным данным, ярко и разнообразно характеризующим основные черты изучаемого предмета, вытеснило из поля

зрения вопрос об особенностях источников информации¹, каковыми были эмигрантские газеты. Именно они, являясь одним из ведущих средств формирования образа университета, выступают в то же время значимым историческим источником, игнорирование специфики которого может привести к не вполне адекватным представлениям о формируемом образе, который на поверку оказывается многообразным. Характеристика этого многообразия является целью данной статьи.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

С инициативой празднования 175-летия Московского университета 25 января 1930 года, то есть в Татьянин день, выступили члены созданного в Париже Общества бывших выпускников Императорского Московского университета². На первом заседании 15 мая 1929 года они образовали юбилейный комитет, в который *in cogroge* вошел Президиум общества, получивший право широкой кооптации для пополнения своих рядов. Инициатива была подхвачена в другом крупном центре российской пореволюционной эмиграции – Праге, где юбилейный комитет начал работу 2 июля 1929 года. В интенсивной переписке между уполномоченными представителями этих двух комитетов наметились наиболее значимые требования к подготовке и проведению предстоящих торжеств. Среди них на первое место можно поставить аполитизм, который должен был устранить возможные разногласия между организаторами и участниками праздника, вызываемые различиями их политических пристрастий. Понятно, что это требование не распространялось на отношение к политике большевистской власти, общее отрицательное отношение к которой было основой негативной идентичности большинства эмигрантов, противопоставления «мы» и «они». Неразрывно связанным с требованием аполитизма выступало стремление придать как можно больший размах празднованию. Этому должны были служить, с одной стороны, создаваемые юбилейные комитеты, в состав которых стремились включить наиболее известных и пользующихся популярностью эмигрантов. С другой – широкое освещение их деятельности по подготовке и проведению торжественных мероприятий в эмигрантской прессе.

Уже с лета 1929 года в ведущих русскоязычных газетах стали появляться заметки о ходе подготовки к празднованию в специально отводимых для этого разделах «175-летие Московского университета». Крещендо достаточно стройно

прозвучавшего оркестра, в обычных условиях нередко порождавшего диссонанс из-за политических разногласий редакторов эмигрантской прессы, пришлось на 25 января 1930 года, которое в этот год было субботним днем. Так что материалы о торжествах публиковались в номерах газет, являющихся обычно итоговыми за неделю. Это позволяло преподнести их по-особенному, порадовать подписчиков обширным интересным материалом, отвечая тем самым настроению читающей публики, ждущей от уикенда если не праздника, то, по крайней мере, отдыха от повседневных дел.

Неудивительно, что большинство публикаций сопровождалось иллюстрациями. Визуализация давала возможность воочию представить прошлое. С одной стороны, она служила убедительности, порождаемой непосредственным восприятием изображения. Особенно важным это было в случаях с далеким прошлым, когда представлялся образ «другого», но родного. Хотя здесь следует отметить размытость грани при переходе от «другого» к «своему» в зависимости от возраста читателей. Для всех образ инициатора создания Московского университета М. В. Ломоносова был знаком лишь по портрету австрийского художника Г. Преннера или его репродукциям. Для большинства портреты значительной части профессоров прошлого века были лишь воспроизведением облика тех, кого они никогда не видели живьем. И только немногие фотографии или портреты конца XIX века могли у части читателей вызвать живые воспоминания, как, скажем, изображение знаменитого историка В. О. Ключевского могло напомнить о его манере чтения лекций, воскрешая в памяти его голос и интонации. К этому следует добавить и еще один важный аспект визуализации – ее символический характер. Фотографии в газетах тех или иных профессоров являлись зримым символом-знаком выдающихся ученых, причем легко воспринимаемым в силу возраста той части читателей, которая пережила, так или иначе, символизм как культурно-художественное явление. При этом эмоциональная окрашенность символов была заранее задана, так как они воспринимались как родные, а не чуждые. К последним относились лишь те, что отвергались, – признаки большевистского правления, которые воспроизводились только эмоционально-словесно (клишированное описание должно было порождать негативные эмоции).

Показательно, что юмор, присущий студенческой жизни, практически не присутствовал в публикациях. Это объясняется, очевидно, тем,

что шутивное представление материала не подбало торжественности момента. В репортажах газетчиков наиболее полно фиксировались лишь выступления на торжественных актах. Возможно, что на банкетах, особенно в частных разговорах, разного рода юмористические воспоминания всплывали, но они не могли найти места в газетных публикациях из-за обобщенной характеристики царившей на них атмосферы. Лишь в газете «Время» был помещен один юмористический рассказ «Экзаменационные кроки»³.

ЭМИГРАНТСКИЕ ГАЗЕТЫ О ТОРЖЕСТВАХ

Характер публикаций зависел от таких возможностей редакций, как его политическая направленность, объемы и периодичность издания, личные склонности, авторитет и связи главного редактора. П. Б. Струве, редактировавший в это время выходивший в Париже еженедельник «Россия и славянство», почти все восемь страниц выпуска 25 января отдал под юбилейные материалы, которые иллюстрировались тремя фотоснимками «старого» и «нового» зданий университета и его актового зала, а также восемнадцатью портретами и фотографиями профессоров, включая скульптуру известного хирурга Н. И. Пирогова. Для политических новостей в номере он оставил лишь две колонки «Дневника политика», который в этот день переместился с первой на последнюю страницу издания. Наряду с написанными им передовицей «Московский университет» и биографической зарисовкой о Д. Л. Крюкове редактор поместил очерки о научных школах и обществах Московского университета, многочисленные воспоминания выпускников, охватывающие период с конца XIX века и вплоть до начала большевистского правления на родине, а также стихотворное приветствие юбиляру, написанное поэтессой Любовью Столицей. Воспоминания профессора болгарина С. С. Бобчева и академика серба А. И. Белича⁴ о Московском университете и чеха Н. Поспишила о Киевском университете оправдывали международную направленность издания⁵, которая подтверждалась также помещением репортажей о торжествах в столицах, прежде всего, славянских стран⁶.

Парижское «Возрождение», редактируемое в это время Ю. Ф. Семёновым, в вышедшем 25 января номере разместило на первой странице рядом с двумя фотографиями здания университета, портретами императрицы Елизаветы Петровны и М. В. Ломоносова редакционную статью «Знамя просвещения», выдержки из Указа об образовании университета, ломоносовские «речения»

и его «Оду 1747 года», список выдающихся выпускников⁷ и очерк Н. С. Тимашева «Потомство юбиляра»⁸. На второй и четвертой страницах приводилась краткая информация о торжественном заседании в зале Гаво с упоминанием о назревавшем скандале, чуть не произведенном выступлением П. Н. Милюкова⁹. Подробный разбор скандальной и «скучной лекции» (по определению редакции) на нем лидера Республиканско-демократической группы Партии народной свободы, а также изложения речей других ораторов были представлены на следующий день¹⁰. Здесь же упоминался торжественный молебен в соборе Александра Невского¹¹. 31 января в газете был опубликован русский перевод выступления на торжественном заседании В. А. Маклакова¹², произнесшего свою речь по-французски.

Милюковские «Последние новости» открывались редакционной статьей «Университетская годовщина»¹³, в которой давалась характеристика Московского университета как «рассадника высшего гуманитарного и политического образования в России», страдавшего в прошлом от «экспериментирования» над ним царского самодержавия, а ныне – большевиков, одинаково не заинтересованных в просвещении народа, опасном для власти. Помимо редакционной статьи Татьянин день был отмечен яркими и живо написанными воспоминаниями о студенческих годах в Московском университете Н. Н. Кнорринга¹⁴, что можно оценить как своеобразный анонс «Юбилейного сборника»¹⁵, издание которого не поспевало к праздничной дате. На следующий день газета поместила обзор торжественного собрания в зале Гаво, отметив «в высшей степени содержательную» речь на нем редактора издания¹⁶. В двух последующих номерах появился ее полный текст. В начале февраля были опубликованы репортажи о праздновании в Париже (очень яркий экспрессионистский очерк Дон Аминадо), Берлине, Праге и Хельсинки (в общем-то, формальные и сухие)¹⁷.

25 января в белградском «Новом времени» его редактор М. А. Суворин отвел материалам о юбилее первую, вторую и часть третьей страницы, представив читателям редакционную оценку значения Московского университета, очерк профессора Е. В. Спекторского о Ломоносове, воспоминания А. В. Еропкина, а подвал отведя живо написанному С. Оремом очерку, посвященному традиции празднования Татьянина дня. Через два дня изданием был опубликован краткий отчет о панихиде в Белградской церкви, торжественном заседании в актовом зале Белградского университета и товарище-

ском ужине в ресторане «Mon Repos». Наконец, 30 января газета перепечатала воспоминания выпускника 1865 года князя Д. Д. Оболенского из «Юбилейного сборника», а также выступление П. Б. Струве на юбилее.

25 января в рижской газете «Сегодня» редактировавший ее М. И. Ганфман поместил в качестве передовицы свой очерк о миссии Московского университета «Вечная связь» и фотографию его здания на Моховой. Внизу страницы была опубликована репродукция известной картины Л. О. Пастернака, изображающая историка В. О. Ключевского, читающего лекцию в Училище живописи, ваяния и зодчества, но перенесенного подписью почему-то на кафедру в Московском университете. На второй странице располагалась программа празднования в Риге и редакционная статья «Латыши и Московский университет», главная идея которой о значении университета для формирования латышской интеллигенции стала ведущей в ходе торжеств. Визуально она подкреплялась фотографией кружка студентов-латышей, учрежденного А. И. Занденбергом в 1880 году, помещенной на четвертой странице. На последней странице публиковались стихи Лере, посвященные юбилею. В следующих двух номерах давался подробный обзор торжественного акта и Татьянинского бала. Здесь же помещались продолженные в последующих номерах репортажи от корреспондентов из соседних прибалтийских стран (из городов Ковно и Юрьева, как по привычке называли их корреспонденты) и из столиц государств Центральной Европы (Берлина и Праги).

«Новое русское слово», выходившее в Нью-Йорке под редакцией М. Е. Вейнбаума, отвило для освещения юбилейного события вторую и третью страницы сдвоенного номера за 24–25 января. А. Л. Фовицкий, принявший эстафету представительства Общества бывших воспитанников и преподавателей Московского университета в Нью-Йорке от профессора И. М. Гольдштейна, кратко охарактеризовал значение университета для развития науки, просвещения и культуры¹⁸. Выпускники разных лет М. Я. Каменский, М. М. Карпович и И. С. Назаров поделились с читателями своими воспоминаниями о времени учебы в университете¹⁹. Доктор М. С. Зернов воспользовался случаем, чтобы от имени Московского землячества в Париже призвать своих соотечественников, живущих в США, пожертвовать на создание юбилейного фонда Московского университета²⁰. Через день газета поместила репортаж с «им-

позантно и торжественно» прошедшего праздника²¹.

26 января редактировавший берлинский «Руль» И. Р. Штейн поместил на второй и третьей страницах газеты информацию о праздновании юбилея в Берлине (среди них – неподписанное выступление на торжествах С. Л. Франка²²) и о первых шагах университета. В течение следующей недели газета систематически освещала юбилейные события в европейских столицах в специальной рубрике «Татьянин день». Софийский «Голос» наряду с анонсом и описанием торжеств в болгарской столице поместил список 102 выпускников Московского университета, проживавших в Болгарии²³. Выходившая в Варшаве газета «За свободу» также анонсировала торжественные мероприятия и представила их описания²⁴. Шанхайское «Время» под редакцией Б. А. Суворина на первой странице разместило фотографию здания университета, а на второй – текст гимна «Gaudeamus», редакторскую зарисовку о Татьянинном дне и выдержки из очерка профессора А. А. Кизеветтера «Московский университет и его традиции», отведя подвал уже упоминавшейся юмореске «Экзаменационные кроки». Пражский еженедельник «Неделя», редакторами которого были В. И. Ильинский и С. Я. Савинов, поместил в двух выпусках 24 и 31 января соответственно краткий анонс предстоящего юбилея, написанный бывшим ректором университета М. М. Новиковым, и столь же краткий отчет о праздновании в Праге, в котором особо отмечалось присутствие официальных лиц из министерств и представителей чехословацкой общественности²⁵.

Скромные по размерам (двухстраничное издание) «Вести дня», выходившие в Таллинне, 25 января проинформировали читателей о программе университетского юбилея в Юрьеве²⁶, а через три дня представили вниманию читателей подробный отчет о ее реализации²⁷. На следующий день газета сообщила о прошедшем праздновании в Печорах (тогда эстонский Petseri / Петсери)²⁸.

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Репортажи о чествовании юбиляра на газетных полосах соседствовали с характеристиками его исторического пути. Правда, в отличие от последовательного и цельного очерка истории Московского университета, подготовленного А. А. Кизеветтером для «Юбилейного сборника»²⁹, этот путь представлялся в отдельных небольших заметках полуисторического

или мемуарного характера. История XVIII века – отдаленная и менее памятная современникам – представляла как в виде «беспорядочных заметок», подобно «связкам пожелтевших» листов, извлекаемых И. С. Лукашем из старинной «дорожной шкатулки» и призванных передать «живое дыхание старины»³⁰, так и в виде выдержек из государственных постановлений, то есть императорских указов и сенатских решений, а также полусатирических зарисовок анекдотического свойства в духе того времени, прежде всего об иностранных профессорах у Е. А. Фальковского³¹. В отличие от И. С. Лукаша и Е. А. Фальковского, В. К. Абданк-Коссовский представил развернутый очерк формирования образовательных учреждений начиная с правления Петра I, поместив факт создания Московского университета в историческую перспективу перехода от утилитарной направленности обучения при нем к постепенной гуманизации образования при Елизавете Петровне и к формированию «новой породы людей» при Екатерине Великой, хотя и не скрывал негативных сторон университетских «нравов» того времени. При этом первенство по времени создания Петербургского университета при Академии наук признавалось, но всячески принижалось его значение, и проводилась идея постепенного вытеснения иностранных профессоров и обретения самостоятельности русской науки, в чем подчеркивалась особая роль Московского университета. Основой для такой трактовки являлись мысли М. В. Ломоносова о том, что при Академии «не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно», а также его известное поэтическое изречение: «Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать». Неудивительно, что репродукции его портрета, написанного австрийским художником Г. Преннером, были помещены в ряде юбилейных выпусков эмигрантских газет, а идеализированно-романтический очерк его биографии, подготовленный профессором Е. В. Спекторским, был опубликован в «Новом времени»³².

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ, НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И ШКОЛЫ

Более близкий XIX век представлялся в эмигрантской печати в виде очерков о выдающихся ученых, научных школах и воспоминаний отдельных выпускников.

П. Б. Струве, выступая в несколько непривычной для него роли историка науки, решил напомнить читателям «России и славянства» о «по-

лузабытом “публикой” московском профессоре» Д. Л. Крюкове³³. При этом в отличие от привычного подчеркивания особой роли Т. Н. Грановского в становлении науки всеобщей истории в Московском университете он указал на большую, хотя и скромную заслугу Д. Л. Крюкова в научном изучении отличия плебеев от патрициев по происхождению и культуре. Не претендуя на всестороннюю характеристику биографии московского профессора, П. Б. Струве тем не менее очень точно подметил значение Дерптского педагогического института и заграничных командировок для формирования профессиональных качеств ученых его поколения. Критерием же значимости научных исследований Д. Л. Крюкова для П. Б. Струве являлось признание их результатов международным научным сообществом. Последнее позволяло ему поставить московского историка и правоведа в один ряд с Дж. Вико, Б. Г. Нибуром и Н. Д. Фюстель де Куланжем.

Вспоминая ступени своего обучения, сделавшего из него в конечном итоге известного врача³⁴, М. С. Зернов критиковал однобокий «классицизм» в гимназиях того времени и ратовал за прочный общеобразовательный фундамент для медицинского образования. Характеристика состояния обучения на медфаке была представлена перечислением имен светил факультета с выделением троих: А. И. Бабухина, лекторский талант которого позволял ему вводить в изложение даже такого специального предмета, как гистология, «экскурсы в область других наук, философии, истории и даже литературы», делавшие ее чрезвычайно привлекательной для студентов научной дисциплиной, Г. А. Захарьина, основавшего клиническое преподавание, и А. А. Остроумова, подводившего под медицинские дисциплины прочный теоретический фундамент. Упоминание о памятном избиении охотнорядцами студентов, в которых «купеческая» Москва видела сторонников политических смутьянов, стало поводом для подробной характеристики хорошо известной М. С. Зернову по собственному опыту студенческой самоорганизации в форме касс взаимопомощи, библиотек-читален, студенческих столовых, существовавших при поддержке, с одной стороны, московского общества, а с другой – А. А. Сабурова в его кратковременное пребывание на посту министра народного просвещения.

Значимой темой воспоминаний были научные общества и школы, складывающиеся в университетских стенах. Л. М. Сухотин в статье об Обществе истории и древностей российских³⁵, созданном при Московском университете в 1804 году, представил его краткую историю. Бегло охарак-

теризовав начальный период его работы, когда в нем сочетались любительское и профессиональное начала, автор особо подчеркнул роль попечителя Московского университета графа С. Г. Строганова, долгое время председательствовавшего в обществе и добившегося императорского покровительства и субсидий на издание «Чтений». Центральное место при характеристике результатов деятельности общества отведено изданию «Чтений», в которых со времени секретарства и редакторства О. М. Бодянского наметилось возрастание интереса к истории славянства, что привело к избранию в члены общества представителей славянских народов. Упомянул Л. М. Сухотин и правительственную реакцию николаевского периода, и замену «Чтений» благонамеренным «Временником». Надежды, которые породило избрание председателем общества С. М. Соловьева, не успевшего из-за преждевременной смерти воплотить свои планы, в мемуарах Л. М. Сухотина сменились упадком деятельности общества при председательстве И. Е. Забелина. Живые воспоминания мемуариста свидетельствовали о возрождении славянских традиций общества при председательстве В. О. Ключевского, которого автор уже не застал, но позитивное влияние которого он видел и после его ухода с поста председателя. Наконец, глухая ссылка на современное жалкое существование общества вполне вписывалась в общий дискурс упадка научной деятельности ученых Московского университета при большевиках.

Не только воспоминания, но и характеристики А. И. Беличем московской лингвистической школы, созданной Ф. Ф. Фортунатовым³⁶, и Д. П. Рябушинским Московского математического общества³⁷, из которого выросло несколько научных школ, интересны тем, что выражают различия двух подходов к восприятию условий и содержания формирования научного знания – гуманитарного и естественно-научного, а также двух этапов этого процесса.

Для А. И. Белича было свойственно скорее романтическое представление о науке филологии, которое основывалось на «любви к слову», что предполагало единство личностного отношения к предмету исследования и общепринятости его результатов. Поэтому достоинство Ф. Ф. Фортунатова он видел в способности «соединить в себе человека и мыслителя-ученого», а также объединить вокруг себя «людей, живших лингвистической наукой». Лежащее в основе такого подхода единение «души» (или «сердца») и «разума», с первенством того или другого в зависимости от личностных особенностей

ученого, создавало своеобразную научную атмосферу, выразившуюся в неразрывности жизненного быта и научного исследования. Научная школа при этом становилась большой семьей, для которой была характерна близость исследовательских идей и подходов, воспринимаемая как душевное родство.

У Д. П. Рябушинского отчетливо проявляется строго позитивистское отношение к науке как получению и распространению новых знаний, когда именно их новизна и общепринятая обязательность становятся главным мерилем достижений. Вполне логично при таком подходе специализация выступала как показатель развития научного знания и условие получения новых достижений, что выражалось в их конкретности, но и порождало известного рода сухость характеристик успехов, обеспечивавших первенство в мировом масштабе науки. Такой подход позволял Д. П. Рябушинскому не исключать из числа упоминаемых ученых тех, кто оставался в СССР. В основном этот принцип был характерен и для упоминавшегося уже М. С. Зернова при определении им достижений профессором-медиков, несмотря на то что их научное поле в конце XIX века все более оказывалось расположенным на границе между гуманитарным и естественно-научным знанием.

Выпускники юридического факультета не только не могли похвастаться научными школами, традиции которых можно было бы продолжать, но даже лекции большинства преподавателей конца XIX века вызвали в их памяти тоску и скуку³⁸. Правда, среди профессоров факультета были два общепризнанных светила – А. И. Чупров и И. И. Янжул, сочетавшие преподавание с общественной деятельностью. Как их достойных преемников С. Л. Франк вспоминал еще тогда только начинавших свою карьеру приват-доцентов П. И. Новгородцева и А. А. Мануйлова, а также С. А. Муромцева, председательствовавшего на заседаниях Юридического общества.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТА

Еще одной общей темой воспоминаний являлось студенческое движение. Однако представление о нем зависело во многом от его этапов и восприятия в той или иной мере затронутых этим движением выпускников университета. Уже отправные для публикуемых мемуаров точки отсчета – годы «деляновского министерства», «брызгаловская история», препровождение студентов в Манеж, а затем и в Бутырскую тюрьму – изображались двумя

сибиряками, оказавшимися в старой столице, по-разному. И. С. Назаров, для которого, судя по всему, увлечение протестным движением ограничилось студенческими годами, вспоминал об этом скорее иронично-шутливо. Не случайно его воспоминания о пребывании в Бутырках заканчивались замечанием: «Посидели, пошалили, а теперь пора было расходиться по домам»³⁹. А. А. Аргунов, не только оказавшийся в студенческие годы в тюремном заключении, но и перешедший затем на нелегальное положение и участвовавший в создании партии эсеров⁴⁰, представлял развитие студенческого движения, связывая его с более широким освободительным движением. Проследившая его нарастание от единичных протестов студентов и столкновения с охотнорядцами к многочисленным студенческим сходкам, он отмечал расширение его размаха, превращавшего студенческое движение в общероссийское, а также рост организованности и переход от академических требований к политическим⁴¹. Вместе с тем в его воспоминаниях намечалась идейная эволюция студенчества того времени от народничества к марксизму, при характеристике которой его симпатии в силу партийной принадлежности были на стороне народников⁴². С Л. Франк, увлекавшийся марксизмом в студенческие годы, также отмечал эту эволюцию, но с другим акцентом⁴³. Для студента более позднего времени Н. Н. Кнорринга это был уже переход «от марксизма к идеализму»⁴⁴. В своих воспоминаниях-размышлениях он признавал неизбежность «вторжения улицы» в стены университета и искал возможности противостоять негативным последствиям этого при «мудром руководстве», пример которого являл выбранный ректором после частичного восстановления университетской автономии князь С. Н. Трубецкой. Эту же тему подробно развивал И. М. Херасков в своих воспоминаниях о студенческих волнениях рубежа XIX–XX веков, считавший, что благодаря воздействию внешних обстоятельств «политикам» удалось тогда одержать верх над «академистами»⁴⁵. Учившийся чуть позже на том же историко-филологическом факультете Н. С. Арсеньев вспоминал о восстановлении академической работы в университете после революционного бурления 1905 года, также отмечая в студенческой среде поворот от позитивизма к идеализму и религиозному мировоззрению, плодотворное влияние на студентов братьев С. Н. и Е. Н. Трубецких⁴⁶. С. С. Ольденбург, сосредоточившись исключительно на политической борьбе в среде студенчества в 1906–1910 годах, показал, как левые партии (прежде всего социал-демократы) утратили свою

лидирующую позицию в среде студенчества, что проявилось во время студенческой забастовки 1908 года, прекращенной «конституционными средствами», то есть организованным голосованием, а не митинговым решением студенческой сходки⁴⁷.

В воспоминаниях о последних предреволюционных годах жизни Московского университета М. М. Карпович⁴⁸ и Л. И. Львов⁴⁹ упоминали о «кризисе» при министерстве Л. А. Кассо, но оба выражали уверенность, что университет способен был преодолеть его, сохраняя верность принципам классической модели университетского образования – свободы преподавания и исследовательской деятельности. При этом, учитывая специфику положения своих читателей, знакомых с пробольшевицкой пропагандой, М. М. Карпович указывал на демократический и общенациональный характер образования в дореволюционных университетах. Л. И. Львов начинал составление скорбного мартиролога профессоров университета, значительно пополнившегося в связи с приходом к власти большевиков, и особо отмечал готовность бороться с ними не только преподавателей, но и студентов. Эту линию, возведенную в академическую традицию, продолжал в своих воспоминаниях А. И. Ильин⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Охарактеризованные публикации эмигрантских газет, появившиеся в связи с празднованием 175-летия Московского университета, дают обширный и разносторонний материал для рассмотрения способов формирования у читателей восприятия желаемого образа юбиляра. Несмотря на прокламируемую беспартийность подхода к освещению юбилейных торжеств и воспроизведению миссии и прошлого университета, при изучении материала источников следует учитывать общую политическую направленность той или иной газеты и позицию, занимаемую издателем и редакцией. В последнем случае немаловажно учитывать возможности привлечения определенного круга авторов, которые отбирались, но и сами могли не только согласиться, но и отказаться от участия в издании. Это обстоятельство, наряду с учетом того, насколько полно и адекватно представлялся образ *alma mater* ее питомцами, опирающимися на свои субъективные воспоминания, переосмысливаемые в новых условиях эмиграции, приводило к вынужденной пристрастности и односторонности. Не менее значимым оказывалось и место издания газет, редакциям которых приходилось учитывать прошлое

и нынешний характер взаимоотношений стран-реципиентов, в которых они оказались, с Россией и с формирующимися в них русскими диаспорами. В результате калейдоскоп воспроизведения облика Московского университета становился еще более сложным. Все это говорит в пользу того, что дальнейшее изучение его образа, а точнее – образов, требует учета всех этих обстоятельств. Оно должно вести не к воспроизведению (по-

просту новому конструированию) обобщенного облика и единой образовательной традиции, как это нередко делают некоторые современные исследователи, а к деконструкции тех образов, которые стремились сформировать у своих читателей газетные репортеры и приглашенные авторы. Только так можно будет лучше понять цели и принципы такого смыслообразования и причины многообразия облика юбиляра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В статье С. И. Гореловой вводится в научный оборот новый архивный документ – тезисы доклада Е. Ф. Шмурло [2], однако это не снимает вопроса о характере основного источника формирования образа юбиляра, каковым являлась пресса.
- ² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 8. Л. 191.
- ³ Экзаменационные кроки. Из воспоминаний старого московского студента // *Время*. 1930. 25 янв. С. 2.
- ⁴ П. Б. Струве опубликовал также полный текст выступления А. И. Белича на торжествах в Белграде. См.: Белич А. Чем был русский университет? // *Россия и славянство*. 1930. 1 фев. С. 2, 7.
- ⁵ Все указанные публикации, как всегда, анонсировались на первой странице. См.: Содержание номера // Там же. 1930. 25 янв. С. 1.
- ⁶ Варшавский С. Татьянин день в Чехословакии. Письмо из Праги // Там же. 1930. 1 фев. С. 6; Осведомитель. Собрание в честь 175-летия Московского университета в Белграде // Там же. 1 фев. С. 7; Варшавский С. Анкета к Татьянину дню. Письмо из Праги // Там же. 8 фев. С. 6; Ламский В. К. Юбилей Московского университета в Болгарии. Письмо из Софии // Там же. Помимо этих репортажей был опубликован также обзор торжеств в Париже, где издавалась газета: Празднование 175-летия Московского университета в Париже // Там же. 1 фев. С. 7.
- ⁷ Студенты Московского университета // *Возрождение*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Юбилей И. М. университета // Там же. С. 2.
- ¹⁰ 175-летие Московского университета // Там же. 1930. 26 янв. С. 4.
- ¹¹ Торжественное молебствие // Там же. С. 4.
- ¹² Московский университет. Речь В. А. Маклакова // Там же. 1930. 31 янв. С. 3, 5.
- ¹³ Университетская годовщина // *Последние новости*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ¹⁴ Кнорринг Н. Н. В стенах университета // Там же. С. 3.
- ¹⁵ Ср.: Кнорринг Н. Н. Из жизни московского студенчества в начале XX века. Памяти проф. кн. С. Н. Трубецкого // *Московский университет: 1755–1930*. Париж, 1930. С. 450–466.
- ¹⁶ С. К. 175-летие Московского университета. Торжественное заседание в зале Гаво // *Последние новости*. 1930. 26 янв. С. 2.
- ¹⁷ Н. «Татьянин день» в Берлине (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 1 фев. 1930. С. 3; Мейснер Д. «Татьянин день» в Праге (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 2 фев. 1930. С. 2; К. С. Татьянин день в Гельсингфорсе (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 11 фев. 1930. С. 2.
- ¹⁸ Фовицкий А. Л. К сегодняшнему торжеству. Собрание в честь Московского университета // *Новое русское слово*. 1930. 24–25 янв. С. 2.
- ¹⁹ Каменский М. Я. Татьянин день (Из жизни Московского университета в начале восьмидесятых годов) // *Новое русское слово*. 1930. 24–25 янв. С. 2–3; Карпович М. М. Московский университет прежде и теперь // Там же; Назаров И. С. Из воспоминаний о Московском университете // Там же. С. 3.
- ²⁰ Зернов М. С. Культурный памятник Московскому университету // Там же.
- ²¹ Татьянин день // *Новое русское слово*. 1930. 27 янв. С. 1.
- ²² Ср.: Праздник русского просвещения (Руль. 1930. 26 янв. С. 2) и изложение выступления С. Л. Франка в газете «Сегодня» (Юрьев К. Татьянин день в Берлине // *Сегодня*. 1930. 30 янв. С. 3).
- ²³ См.: 175-летие Московского императорского университета // *Голос*. 1930. 19 янв. С. 2; Список бывших воспитанников Московского императорского университета, проживающих в Болгарии // Там же. 26 янв. С. 2; Татьянин день (175-летний юбилей Московского университета) // Там же.
- ²⁴ Татьянин день в Варшаве // *За свободу*. 1930. 17 янв. С. 4; К юбилею Московского университета // Там же. 23 янв. С. 5; 175-летие Московского университета // Там же. 27 янв. С. 4.
- ²⁵ Новиков М. М. 175-ый Татьянин день // *Неделя*. 1930. 24 янв. С. 1; Юбилей Московского университета // Там же. 31 янв. С. 3.
- ²⁶ 175-летие Московского университета // *Вести дня*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ²⁷ Празднование 175-летия Московского университета в Юрьеве // Там же. 28 янв. С. 1.
- ²⁸ Печоры. Празднование дня Татьяны // Там же. 29 янв. С. 2.
- ²⁹ См.: Кизеветтер А. А. Московский университет. Исторический очерк // *Московский университет: 1755–1930*. Париж, 1930. С. 9–140.
- ³⁰ Лукаш И. Университет двух императриц // *Возрождение*. 1930. 25 янв. С. 3.
- ³¹ Фальковский Е. Первые шаги Московского университета (архивное) // *Руль*. 1930. 26 янв. № 2787. С. 2–3.

- ³² Спекторский Е. Ломоносов // Новое время. 1930. 25 янв. С. 1–2.
- ³³ Струве П. Б. Дмитрий Львович Крюков // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 5.
- ³⁴ Зернов М. С. На медицинском факультете в старое время // Там же. С. 4.
- ³⁵ Сухотин Л. М. Императорское Общество истории и древностей российских // Там же. С. 6.
- ³⁶ Белич А. Из воспоминаний о московском университете // Там же. С. 3.
- ³⁷ Рябушинский Д. П. Московская школа математиков // Там же. С. 5–6.
- ³⁸ См., напр.: Еропкин А. Alma mater // Новое время. 1930. 25 янв. С. 2.
- ³⁹ Назаров И. С. Из воспоминаний о Московском университете // Там же. С. 3.
- ⁴⁰ Думается, что именно поэтому его мемуарам не нашлось места в «Юбилейном сборнике», хотя они были предложены для публикации Пражскому комитету (см.: ГА РФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 8. Л. 417). Также «пражане» отказались от мысли попросить написать воспоминания для сборника казавшихся его составителям чрезмерно радикальными «политиками» в бытность свою студентами И. Г. Церетели и М. С. Аджемова, которые в начале 1900-х годов «держали <...> в руках весь университет» (см.: Там же. Л. 289).
- ⁴¹ См.: Аргунов А. А. Студенческие годы (К 175-летию Московского университета) // Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник. Вып. 8. Прага, 1930. С. 27–33.
- ⁴² Там же. С. 32–33.
- ⁴³ Франк С. Л. На юридическом факультете в 90-х годах // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 4.
- ⁴⁴ Кнорринг Н. Н. В стенах университета // Последние новости. 1930. 25 янв. С. 3.
- ⁴⁵ См.: Херасков И. М. Из истории студенческого движения в Московском университете (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет: 1755–1930. С. 431–449.
- ⁴⁶ Арсеньев Н. С. 1906–1910 гг. // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 4.
- ⁴⁷ Ольденбург С. С. «Политика в университете» (1906–1910) // Там же. С. 6.
- ⁴⁸ Карпович М. М. Московский университет прежде и теперь // Новое русское слово. 1930. 25 янв. С. 2–3.
- ⁴⁹ Львов Л. И. В последнее десятилетие // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 5–6.
- ⁵⁰ Ильин А. И. Русская академическая традиция // Там же. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф., 19–22 сентября 2001 г. Петрозаводск, 2002. С. 73–86.
2. Горелова С. И. Русская эмиграция о 175-летию Московского университета // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 104–112.
3. Гутнов Д. А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2004. № 3. С. 88–101.
4. Климович Л. В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-356-368
5. Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. Кн. 25/2. С. 119–138.
6. Кононова М. М. Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 161–165.
7. Муромцева Л. П. Праздники и памятные даты в жизни русской эмиграции // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2013. № 6. С. 92–115.
8. Посохов С. И. Университетская юбилейная культура на востоке Европы // Res Historica. 2015. № 39. С. 171–189. DOI: 10.17951/rh.2015.39.1.171
9. Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142–152.
10. Щелыгина И. В. Воспоминания об alma mater: выпускники Московского университета в эмиграции // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2010. № 4. С. 17–34.

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Aleksandr V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

COVERAGE OF THE 175th ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE EMIGRANT PRESS

Abstract. The article examines the anniversary publications of emigrant newspapers aimed at creating the desired image of the university among their readers, in particular the celebration reports, reviews of the historical past, and the assessments of the achievements of professors and scientific schools, the student movement, and the future of the university. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the proclaimed principle of apoliticality when

covering anniversary celebrations and the historical mission of the university was not observed. Therefore, when studying the material of newspapers, one should consider the political orientation and position taken by their publishers and editors. It is important to take into account the editor-in-chief's ability to involve those authors of articles and memoirs who were associated with the university in the past and could share their knowledge and memories with readers. The individual capacity of memoirists to present an adequate and complete image of their alma mater must also be considered when evaluating sources. Finally, the place of publication of newspapers is significant, since members of their editorial boards were forced to keep in mind the past relationships of the recipient countries with Russia, as well as their current government policy towards Russian diasporas. All this brings the author to the conclusion about the diversity of representations of the images of Moscow University in newspapers. The method for studying this multitude of images should be their deconstruction, allowing us to understand the goals, motives, and principles of their formation among implied readers, and, therefore, their significance for the formation of the cultural and historical identity of Russian post-revolutionary emigrants.

Key words: Moscow University, anniversary, image, Russian post-revolutionary emigration, newspapers

Acknowledgements. The study was conducted at Petrozavodsk State University with the support of the Russian Science Foundation grant as part of the project "Celebration of the 175th Anniversary of Moscow University and the Academic Community of the Post-Revolutionary Russian Emigration" (No 23-28-00836).

For citation: Antoshchenko, A. V. Coverage of the 175th anniversary of Moscow University in the emigrant press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1040

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. Celebration of the 175th anniversary of Moscow University in Russian Abroad. *Culture of historical memory: Proceedings of the research conference, 19–22 September 2001*. Petrozavodsk, 2002. P. 73–86. (In Russ.)
2. Gorelova, S. I. Russian emigrants about the 175th anniversary of Moscow University. *Voprosy istorii*. 2005;8:104–112. (In Russ.)
3. Gutnov, D. A. Celebration of the 175th anniversary of the foundation of Moscow University in Paris on 24–26 January 1930. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2004;3:88–101. (In Russ.)
4. Klimovich, L. V. Holidays of Russian emigration as reflection of historical code of pre-revolutionary Russia (1920–1930). *Scientific Dialogue*. 2017;11:356–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-356-368 (In Russ.).
5. Kovalev, M. V. Historical holidays of Russian emigration as a way of preserving collective cultural memory. *Dialogue with Time*. 2008;25/2:119–138. (In Russ.)
6. Kononova, M. M. Traditions of Moscow University: a view from Russian Abroad. *Social Sciences and Contemporary World*. 2002;1:161–165. (In Russ.)
7. Muromtseva, L. P. Holidays and memorable dates in the life of the Russian emigration. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2013;6:92–115. (In Russ.)
8. Posokhov, S. I. Culture anniversaries university in Eastern Europe. *Res Historica*. 2015;39:171–189. DOI: 10.17951/rh.2015.39.1.171 (In Russ.)
9. Repina, L. P. Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography. *Dialogue with Time*. 2017;60:142–152. (In Russ.)
10. Shcheblygina, I. Memoirs on alma mater: graduates of Moscow University in emigration. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2010;4:17–34. (In Russ.)

Received: 12 April 2024; accepted: 29 April 2024